

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОБЫТИЙ ВОКРУГ УКРАИНЫ 2013–2015 годов)

С. А. Маник

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 4 апреля 2015 г.

Аннотация: статья посвящена сопоставлению терминологического аппарата общественно-политической лексики русско- и англоязычных СМИ, освещающих события в Украине в период с конца 2013 г. по начало 2015 г., роль России и реакцию международного сообщества. Предпринимается попытка описать специфические (идеологические, социальные, исторические, геополитические и т.п.) черты и особенности наименования и интерпретации фактов и явлений. В результате автор приходит к выводу, что, несмотря на стремление международной дипломатической терминологии к четкости, однозначности, точности и унифицированности, в реальности наблюдаются существенные расхождения в интерпретации и наименовании происходящих событий в СМИ согласно идеологической установке общества, общественно-политическому курсу страны и стратегии освещения событий в СМИ.

Ключевые слова: общественно-политическая терминология, политический медиадискурс, общественно-политический текст, сопоставительный анализ.

Abstract: the article deals with comparative analysis of the socio-political vocabulary used in Russian- and English-speaking mass media to cover the events in / around Ukraine dating back to the end of 2013 up to the beginning of 2015, the role of the Russian Federation and the feedback of the world community. There is an attempt to describe various specific (ideological, social, historical, geopolitical, etc.) features of naming and interpreting the facts and phenomena. The author claims that in spite of the tendency towards accuracy, monosemanticity, clearness and commonality the international diplomacy terms in real life usage still differ greatly while interpreting and naming the events in mass media in accordance with the ideological point of view of the society, the political course of the country and strategy of media news coverage.

Key words: socio-political terminology, political media discourse, socio-political text, comparative analysis.

Терминология общественно-политической жизни имеет ряд отличительных черт, таких как идеологичность, оценочность, культурологическая составляющая в семантике и т.п. Общественно-политическая терминология (далее – ОПТ) является очень динамичной терминологией, которой свойственны процессы освоения терминов из других областей, а также введение новых терминологических единиц [1]. Процесс обновления терминов общественно-политической жизни постоянен из-за воздействия экстралингвистических и лингвистических факторов, преломленных через сознание человека. Активное употребление ОПТ в средствах массовой информации отражает, с одной стороны, идеологическую (т.е. мировоззренческую) установку определенной социальной группы или общества, а с другой – стремительные изменения в сфере общественно-политической жизни, а следовательно, в данной терминосистеме. Действительно, многие слова и словосочетания, актуальные некоторое время назад в связи с тем или иным событием, выходят из употребления, а другие,

отражающие реалии настоящего времени, приходят им на смену. Цель анализа – сопоставить терминологическую лексику, используемую англо- и русскоязычными СМИ для описания событий в Украине в конце 2013 – начале 2015 г. Автор также предпринимает попытку создать параллельный корпус по данным медийным материалам при помощи базы Sketch Engine [2], что далее найдет применение в двуязычном словаре ОПТ.

Е. А. Сидоренко справедливо отмечает высокое разнообразие при рассмотрении языка СМИ на материале разных языков. Так, в фокусе внимания оказываются: лексико-семантические особенности (М. А. Брейтер, А. И. Иссерс, Н. И. Клушина, Г. Я. Солганик, И. В. Холявко), семантические трансформации в различных дискурсах (Г. Солганик, А. Баранов, Ю. Караулов, Т. Весна), структурно-композиционные особенности (И. В. Флещанова, С. И. Потапенко, А. О. Стриженко), функционально-семантическое своеобразие (М. М. Володина, R. Fowler, P. Grundy, B. Hennessy), функциональные особенности (Т. С. Дроняева, Б. А. Зильберт, Т. В. Чернышева), лингвопрагматические (N. Chomsky,

P. Graham, J. E. Richardson) и т.д. [3]. Настоящее исследование продолжает традиции лексико-семантического и дискурсного анализа семантических трансформаций.

Терминологический аппарат общественно-политической лексики русско- и англоязычных СМИ, отражающей конфликты и противоречия в различных обществах, многогранность и острый характер многих социальных процессов и реформ, довольно разнообразен и зависит от идеологической установки автора/журналиста/издания как представителя определенной группы. Л. И. Гришаева справедливо отмечает, что «при реализации медиадискурса особая роль принадлежит коллективному субъекту и коллективной идентичности единичного субъекта... (это) предопределяет апелляцию к сведениям, разделяемым всеми членами соответствующего социума и выбор прежде всего конвенциональных средств решения когнитивных и коммуникативных задач...» [4, с. 251]. Именно поэтому различные СМИ используют отличный терминологический аппарат для наименования общественно-политических реалий, ср.: *ополченцы, сторонники независимости, сепаратисты, pro-Russian separatists, pro-Russian separatists gunmen, separatists, anti-Kiev rebels, pro-Russian rebels, combatants, terrorists, "volunteer" units; anti-terrorist campaign, АТО (антитеррористическая операция), карательная операция, политические репрессии* и т.п.

Общественно-политическая терминология представляет собой особый «канал» для формирования в массовом сознании соответствующей картины мира [5]. С помощью терминов общественно-политической сферы осуществляется интерпретация действительности на концептуальном уровне. Это можно показать через описание специфических (идеологических, социальных, исторических, геополитических и т.п.) черт и особенностей наименования и интерпретации фактов и явлений на материале публикаций онлайн в русско- и англоязычных медийных ресурсах, освещающих события в Украине, роль России в урегулировании кризиса и реакцию международного сообщества. Корпус исследования составляют тексты русско- и англоязычных СМИ (РИА Новости, Ведомости, Эхо Москвы, Итоги, РБК, Russia Today, CNN, BBC, NBC, Reuters, Euronews, the Economist и т.п.), отражающие различные идеологические воззрения, опубликованные в период с сентября 2013 по март 2015 г. и описывающие ситуацию, связанную с событиями в Украине. В процессе сплошной выборки проанализировано более 500 англо- и русскоязычных публикаций различных жанров (новости, аналитические комментарии, предметные авторские очерки, интервью-комментариев и блог-мнения).

Теоретической основой настоящего исследования послужили положения теории современного полити-

ческого медиадискурса, в частности работы С. В. Ивановой [6], Е. И. Шейгал [7], К. В. Никитиной [8], А. А. Щипицыной [9], Л. И. Гришаевой [4], Т. Г. Добросклонской [10], В. И. Карасика [11], Р. Chilton [12], Т. А. van Dijk [13], G. E. Lauerbach and A. Fetzer [14], R. Fowler [15], N. Fairclough [16] и т.п. Так, И. М. Сальникова, систематизируя ранее опубликованные исследования, подчеркивает: «Политический медиадискурс, будучи одной из разновидностей институционального дискурса, обладает как общими, присущими дискурсу как феномену характеристиками (наличие участников, цели, стратегий реализации, дискурсивных форм, телеологичность, когерентность, динамичность), а также специфическими характеристиками (институциональность, информативность, неопределенность, процессуальность, привязанность к конкретному хронотопу, фантомность, эзотеричность, театральность, агональность, дистанцированность и др.). Это позволяет сконцентрировать исследовательское внимание на определенных признаках, обуславливающих выбор коммуникантами с разными характеристиками личностной и коллективной идентичности средств решения коммуникативной и когнитивной задачи» [17, с. 9–10].

В связи с этим представляется также важным обратить внимание на особенности общественно-политического текста, к которому относятся выступления государственных, политических и общественных деятелей, публикации различных (не)правительственных, международных организаций и объединений, тексты статей, комментариев, интервью и т.п. по вопросам общественно-политической жизни. Общественно-политический текст характеризуется и определяется коммуникативными, информационными и политическими стратегиями, поэтому его назначение заключается в информировании о событиях или проблемах и выражении определенной точки зрения, т.е. воздействия на целевую аудиторию. Поэтому анализ общественно-политического текста подразумевает рассмотрение его прагматических характеристик. Авторы общественно-политических текстов, имея свой социальный статус и политические пристрастия, при написании статей привносят в них свои субъективные взгляды, оценки, суждения. Таким образом, предоставляемая читателям информация оказывается преломленной через субъективное видение мира автором, членом определенного социума. Возможно, с этим связана сегодняшняя трансформация традиционных жанров СМИ, что выражается в видовой контаминации: «интервью-комментарий», «заметка-анонс», «блог-мнение» и др. Возрастает популярность авторских колонок, которая прямо пропорционально зависит от языковой личности автора (например, авторские страницы станции Эхо Москвы, блоги на CNN) и является примером так называемого *opinion writing*.

В целом в ходе работы с медийными текстами впервые предпринята попытка систематизации и создания идеографического параллельного корпуса в рамках лексикографических традиций школы О. М. Карповой [18]. Этот корпус организован по определенным темам (например, наименование событий на майдане; санкции и санкционная война; референдум в Крыму и отношение к нему; стороны конфликта; причины конфликта; текущая ситуация в Крыму; ДНР и ЛНР; Минское соглашение; и т.п.) и регистрирует лексические единицы, используемые в схожих контекстах на русском и английском языке. Например, группа «Причины кризиса» включает следующие словосочетания из англоязычных СМИ: *not to sign an accord on more co-operation with the EU* (BBC); *Foreign policy “U-turn away from EU integration”* (CNN); *to spurn a planned trade deal with the EU* (CNN); *to turn towards Russia* (CNN); *to opt to deepen ties with neighbouring Russia* (BBC); *to adopt new repressive laws* (CNN); *to undermine the freedom of assembly, media, privacy and civil society* (CNN); *crack-down on major democratic freedoms* (CNN); *a path to dictatorship* (CNN); *to criminalize defamation, introduce a label of “foreign agents” for foreign funded NGOs, enact jail terms for wearing masks and hard hats during the protest, and restrict the work of non-registered news agencies* (CNN); *to undermine the chances for free and fair presidential elections* (CNN); *to suppress and intimidate the media and political activists* (CNN); *to reject a far-reaching accord with the EU* (BBC); *to bring in tough new legislation* (BBC); *harsh new anti-protest laws* (ABC news); *tough anti-protest legislation* (Reuters); *a government ban on protests* (NBCNews).

Это позволяет проводить качественный и количественный сравнительно-сопоставительный анализ употребления лексики в СМИ. Так, представляется интересным подчеркнуть использование разной политической терминологии даже в рамках одного языка. Например, статус Крыма освещается по-разному: *аннексия, присоединение Крыма к России, вхождение Крыма в состав России, политика собирания русских земель, возвращение Крыма; Putin’s takeover of Crimea, Ukraine’s breakaway peninsula, a blatant land grab, Russia’s military led annexation of the Crimean peninsula from Ukraine, annexation of Crimea, pro-Russian referendum in Crimea had no legitimacy, Crimea’s choice of joining Russia, the right to self-determination for the peninsula’s population*. Это подтверждает тот факт, что тексты СМИ нацелены на воздействие и пропаганду определенных взглядов, поскольку в русском и английском языках встречаются противоположные точки зрения по поводу статуса Крыма (*аннексия – вхождение в состав – возвращение; annexation – joining Russia – land grab*). Неслучайно решение российских и

американских правительств в 2014 г. усилить работу по распространению информации/фактов за рубежом с целью продвижения своих общественно-политических воззрений.

Вместе с тем действия по смене государственного статуса, присоединения/отделения части одного государства к другому, безусловно, носят юридический международный характер и регламентированы международным законодательством и соглашениями. Обратимся к специализированным словарям для анализа дефиниции политической единицы «аннексия» (annexation).

Аннексия (от лат. *annexio* – присоединение) – насильственное присоединение территории другого государства. Международное право запрещает А. как нарушение принципов территориальной целостности, неприкосновенности и нерушимости государственных границ. Это объясняется политикой каждого государства продвижения пропаганды за рубежом [19].

Аннексия (от лат. *annexio* – присоединение) – насильственное и противоправное присоединение одним государством территории или части территории другого государства, а также пространства, находящегося в общем пользовании международного сообщества (Антарктида, дно Мирового океана за пределами национальной юрисдикции и др.). Противозаконность аннексии следует из Устава ООН, который запрещает применение силы или угрозы силой против территориальной неприкосновенности, целостности и политической независимости государств. Аннексия выступает частью агрессивной внешней политики государств, берущих на вооружение экстремистскую идеологию (классический пример – «аншлюс» Австрии нацистской Германией) [20].

В отечественных изданиях основным значимым моментом в дефиниции термина является *насильственное и противоправное* присоединение одного государства территории другого государства, а также подчеркивается роль международного права, запрещающего нарушение принципов территориальной целостности, неприкосновенности и нерушимости государственных границ. Таким образом, термин «аннексия» в русском языке имеет негативную коннотацию в лексической семантике и противоречит официальной новостной картине. Именно поэтому в российских СМИ преимущественно используются сочетания *присоединение Крыма к России* и *вхождение Крыма в состав России* согласно свободному волеизъявлению граждан полуострова, что соответствует английскому *Crimea’s joining Russia, Crimea’s affiliation to Russia*.

В англоязычных специальных словарях зарегистрирована следующая дефиниция термина:

Annexation – a formal act whereby a state proclaims its sovereignty over territory hitherto outside its domain.

Unlike cession, whereby territory is given or sold through treaty, annexation is a unilateral act made effective by actual possession and legitimized by general recognition [21].

Annexation:

1 incorporation by joining or uniting

2 the formal act of acquiring something (especially territory) by conquest or occupation; “the French annexation of Madagascar as a colony in 1896”; “a protectorate has frequently been a first step to annexation”...

Annexation (Latin *ad, to, and nexus, joining*) is the legal incorporation of some territory into another geopolitical entity (either adjacent or non-contiguous). Usually, it is implied that the territory and population being annexed is the smaller, less peripheral or weaker of the two merging entities. It can also imply a certain measure of coercion, expansionism or unilateralism on the part of the stronger of the merging entities. Because of this, more positive terms like political union or reunification are sometimes preferred.

Annexation differs from cession and amalgamation, because unlike cession where territory is given or sold through treaty, or amalgamation where both sides are asked if they agree with the merge, annexation is an unilateral act where territory is seized and held by one state and made legitimate by the recognition of the international community.

During World War II the use of annexation deprived whole populations of the safeguards provided by international laws governing military occupations. Changes were introduced to international law through the Fourth Geneva Convention that makes it much more difficult for a state to bypass international law through the use of annexation [22].

Таким образом, под аннексией понимают формальный акт слияния, вхождения некой территории в другое геополитическое образование; односторонний акт захвата одним государством некой территории, легитимизация которого осуществляется через его признание международным сообществом. Возможно, это в некоторой степени оправдывает использование словосочетания *Putin's takeover of Crimea* (Захват Крыма Путиным), или *a blatant land grab* (наглый/явный захват земли), или *Russia's military led annexation of the Crimean peninsula from Ukraine* (проводимая российскими военными аннексия Крымского полуострова от Украины). Стиль словосочетаний/слов – от дипломатического до разговорного уровня. Важно подчеркнуть, что с политической точки зрения аннексия в английском языке предполагает определенные силовые мероприятия (которые в открытом виде не свойственны современному миру, в нем нет межгосударственных войн, но только вооруженные конфликты), поэтому английский словарь рекомен-

дует позитивно коннотированные термины *political union* или *reunification*. Факт необходимого и обязательного признания такого захвата мировым сообществом также регистрируется в словарной дефиниции. Это объясняет официальные заявления американской и европейских сторон в СМИ о непризнании легитимности референдума в Крыму.

Привлекает внимание словосочетание *Ukraine's breakaway peninsula*. Ранее *breakaway* использовалось CNN news относительно событий, связанных с конфликтом между Грузией и Южной Осетией, последний назывался *breakaway region*. В рабочем корпусе авторского электронного словаря зафиксирована следующая словарная статья:

Breakaway region – отколовшийся; самопровозглашенный регион (как правило, в этом регионе идут/шли военные действия, связанные со сменой власти и борьбой за независимость, поэтому также возможен перевод «мятежный регион»).

He said Nato members refused “to even debate the reasons for the conflict” over the **breakaway** Georgian region of South Ossetia [CNN News, January 2009].

The official added that the deployment was to protect the **breakaway region** from Georgian attacks [CNN News, January 2009].

Breakaway republic

Rebel region

Pro-Russian separatist region

Russian-backed separatist territory

To recognize independence of the breakaway region

To expand support for breakaway region [23].

Очевидно, коннотация номинаций «самопровозглашенного» региона позволяет проводить журналистам определенные семантические параллели в событиях прошлого и настоящего, в том числе с предполагаемым военным вмешательством. Таким образом, не в полной мере учитывается мнение населения полуострова Крым, скорее акцентируется насильственный характер принуждения к голосованию.

Целесообразно также проанализировать способы передачи общественно-политической лексики с учетом экспрессивных и стилистических средств подачи материала. Существует довольно много исследований газетно-публицистического стиля русского и английского языков (А. Д. Швейцер, Е. В. Бреус, В. Н. Комиссаров, Г. Я. Солганик, W. Fox, Ch. Scanlan и др.), в которых отмечается, что английский газетно-публицистический стиль требует нейтральной подачи информации. Однако в действительности в нем довольно часто встречается экспрессия и соответствующие стилистические средства, но частотность употребления таких средств ниже, чем в русском. Например, другая тематическая группа рабочего корпуса исследования представляет собой система-

тизацию названий и интерпретаций самих событий на Украине: *украинский кризис; перерастание глубочайшего кризиса в гражданскую войну; политический и экономический кризис; яростные столкновения; «раскол» страны на запад и восток; волнения; эскалация насилия; хаос; классическая революция; гражданское восстание; контур «украинского “Талибана”»; гражданская война под окнами президентской администрации; госпереворот Украины.*

Безусловно, в данный корпус вошли лексические единицы с момента начала евромайдана по настоящее время, отражая эволюцию, развитие конфликта от мирных протестов, волнений до гражданской войны и госпереворота. Превосходная степень прилагательных (*глубочайший*), а также подбор слов *кризис, хаос, эскалация, гражданская война, госпереворот* усиливают экспрессивно-эмоциональную составляющую медийного текста.

Так, согласно Политическому словарю, «гражданская война» предполагает «наиболее острую, вооруженную форму массового столкновения социально-политических сил внутри страны в их борьбе за государственную власть» [24].

Госпереворот – насильственное и совершенное в нарушение конституции свержение или изменение конституционного (государственного) строя либо захват (присвоение) государственной власти кем бы то ни было [24].

Таким образом, последнее отражает официальную позицию России по отношению к Временному правительству Украины, его нелегитимности. В англоязычных новостях спектр словосочетаний также разнообразен (от нейтральных слов (*protest, confrontation*), терминов (*military coup, stalemate, political crisis*) до крайне экспрессивных выражений (*kidnapped Ukraine*): *Military coup; rebellion; revolution; uneasy political stalemate; unfolding violence; the Kiev protests; an effort to overthrow the government; violent political crisis; worsening unrest; confrontation degenerated into rioting; “mass disorder”; anti-government uprising; violent confrontation; The illegal western backed coup in Kiev; Kidnapped Ukraine.*

Интересен тот факт, что в англоязычных СМИ довольно часто страна Россия как сторона, осуществляющая действия, заменяется фамилией ее президента, что еще раз подчеркивает роль личности в истории, а также в некоторой степени личностное противостояние двух президентов: *He issued a warning to Russian President Vladimir Putin; a tougher response to Putin’s movement into Crimea; tightening the noose around President Vladimir Putin’s inner circle; among those set to be slapped with sanctions; two key aides to Putin; meaningful sanctions against members of Vladimir Putin’s government; Putin’s takeover of Crimea.*

Важно подчеркнуть также, что информация в СМИ тщательно отбирается и интерпретируется. Поэтому некоторые факты не акцентируются/упомянутся/описываются в англо- и русскоязычных СМИ. Об этом довольно часто рассуждают журналисты в авторских программах, блогах.

Подводя итоги проведенной работы, можно сделать следующий вывод: несмотря на стремление международной дипломатической лексики к четкости, однозначности, точности и унифицированности, в реальности наблюдаются существенные расхождения в интерпретации и наименовании происходящих событий согласно идеологической установке общества. Поэтому споры о легитимности референдума и присоединении Крыма к РФ, (не)соблюдения минских соглашений опираются на международное право, но осмысливаются и используются по-разному для оправдания различных действий. Очевидно, выбор употребления лексической единицы также обусловлен общественно-политическим курсом страны, стратегией освещения событий в СМИ, мировоззрением граждан и набором средств для достижения поставленных целей.

Представляется необходимым проводить сопоставительные исследования медийных дискурсов на русском и английском языках, результаты которых найдут свое применение в создании двуязычного информационного портала общественно-политической терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маник С. А. Является ли лексика общественно-политической жизни терминологией? / С. А. Маник // Личность. Культура. Общество. – 2013. – Т. 15, вып. 2. – № 78. – С. 213–217.
2. Sketch Engine. – Режим доступа: <https://the.sketchengine.co.uk/auth/corpora/>
3. Сидоренко Е. А. Структурные и семантические особенности английской общественно-политической терминологии сферы массовой информации / Е. А. Сидоренко // Личность, семья и общество : вопросы педагогики и психологии : сб. статей по материалам XXXVI Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск : СибАК, 2014. – Режим доступа: <http://sibac.info/12869>
4. Гришаева Л. И. Парадоксы медиалингвистики / Л. И. Гришаева. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014. – 295 с.
5. Володина М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание / М. Н. Володина. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/03.htm>
6. Иванова С. В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. – Вып. 1 (24). – Екатеринбург, 2008. – С. 29–33. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/ivanova-08.htm>

7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.
8. Никитина К. В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. В. Никитина. – Уфа, 2006. – 24 с.
9. Щипицына А. А. Соотношение дескриптивных и оценочных прилагательных в британском политическом медиадискурсе / А. А. Щипицына // Политическая лингвистика. – 2007. – Вып. (2) 22. – С. 93–98. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/shipitsina-07.htm>
10. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов : Опыт исследования современной английской медиа речи / Т. Г. Добросклонская. – М. : УРСС Эдиториал, 2005. – 288 с.
11. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
12. Chilton P. Analysing Political Discourse : Theory and Practice / P. Chilton. – London : Routledge, 2004. – 240 p.
13. Dijk T. A. van. Political Discourse and Political Cognition / T. A. van Dijk // Politics as Text and Talk. Analytical Approaches to Political Discourse. – Amsterdam : Benjamins, 2002. – P. 204–236.
14. Political Discourse in the Media : Cross-Cultural Perspectives / ed. A. Fetzer, G. E. Lauerbach. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2007. – 393 p.
15. Fowler R. Language in the News : Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler. – London : Routledges, 1991. – 272 p.
16. Fairclough N. Media Discourse / N. Fairclough. – London : Arnold, 1995. – 224 p.
17. Сальникова И. М. Метафора «Политика – это спорт» как способ концептуализации сведений о политической действительности (на материале британского и американского медиадискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. М. Сальникова. – Воронеж, 2013. – 24 с.
18. Карпова О. М. Английская лексикография : учеб. пособие для студентов филол. ф-тов высш. уч. заведений / О. М. Карпова. – М. : Академия, 2010. – 176 с.
19. Большой юридический словарь. – Режим доступа: <http://vipstudent.ru/index.php?q=lib&r=15&id=1192124814&p=29>
20. Коновалов В. Н. Политология : словарь / В. Н. Коновалов. – М. : РГУ, 2010. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/polytology/>
21. Encyclopedia Britannica. – Режим доступа: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/26334/annexation>
22. AskDefine. – Режим доступа: <http://annexation.askdefine.com/>
23. Маник С. А. Принципы лексикографического описания общественно-политической лексики в двуязычном словаре / С. А. Маник // Вестник Вят. гос. гум. ун-та. Филология и искусствоведение. – Киров, 2010. – № 2 (2). – С. 78–85.
24. Политический словарь. – Режим доступа: http://mirslovarei.com/content_pol/grazhdanskaja-vojna-806.html#ixzz2x6907ZTv

Ивановский государственный университет

*Маник С. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии
E-mail: Svetlana_manik@yahoo.com
Тел.: 8-910-985-00-76*

Ivanovo State University

*Manik S. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the English Philology Department
E-mail: Svetlana_manik@yahoo.com
Tel.: 8-910-985-00-76*